

МИТРОПОЛИТ
МЕСОГЕЙСКИЙ И ЛАВРЕОТИКИЙСКИЙ
НИКОЛАЙ

Там, где не видно
БОГА

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви

Москва 2013

УДК 242
ББК 86 372
М 67

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС – 13-219-1629

ПРЕДИСЛОВИЕ

Митрополит Месогейский и Лавреотикийский Николай
М 67 Там, где не видно Бога. – М.: Издательство Москов-
ской Патриархии Русской Православной Церкви,
2013. – 176 с.

Книга «Там, где не видно Бога» состоит из двух частей. В первой рассматриваются ситуации, когда человеку бросают вызов страдания и смерть. В ней рассказывается о борьбе человека за исцеление, о Божием посещении в последний момент, когда исчезает всякая надежда. Описываются драматические обстоятельства, в которые попадают родители, сталкиваясь со смертельной болезнью ребенка. Во второй части книги представлена психология людей в предсмертных ситуациях, когда вера и сомнение в бытие Божие сменяют друг друга. Кроме того, приводятся примеры людей, переживших трагедию смерти своих детей, и тех, кто преобразил ожидание собственной смерти в чаяние Царствия Божия. Цель книги – дать читателю ощущение незаметного, но убедительного присутствия истинного Бога в подлинных событиях, в жизни людей – посреди боли и увечий, в трагичности жизни и неумолимости смерти там, где Бога не видно.

Книга может быть интересна широкому кругу читателей, в частности благодаря позиции автора, выражающей особенности современного греческого менталитета.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2013
© Митрополит Месогейский и Лавреотикийский
Николай, текст, 2013
© Жукова Е., перевод, 2013

ISBN 978-5-88017-325-9

Мир, в котором мы живем, называют долиной плача, местом слез. Возможно, это оправдано... Куда ни взглянешь, везде боль, горе, несправедливость, грех, смерть. *Князь мира сего* (Ин. 12, 31), *миродержитель* (Еф. 6, 12) – диавол – всегда на виду.

Бог же, имя Которому *Сущий* (Исх. 3, 4), Тот, Который существует и дает существование всему, не виден. *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1, 18). Поэтому ставится под сомнение даже само Его существование. Но Он *является* (Ин. 21, 1) и обещает явить Себя тому, кто хранит Его заповеди и любит Его: *явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21).

Цель книги – дать читателю ощущение незаметного, но убедительного присутствия истинного Бога в подлинных событиях, в жизни людей – там, где Бог не виден, посреди боли и увечий, в трагичности жизни и неумолимости смерти.

Повествование разделено на две части. В первой делается попытка показать Лицо Божие через ситуации, когда человеку бросают вызов страдания и смерть. Здесь другая жизнь, которая не подчиняется законам повседневности, здесь другая логика, которая сильно отличается от рациональной. Рассказывается о борьбе человека за исцеление, о Божием посещении в последний момент, когда исчезает уже всякая надежда. Повествуется о Боге, который является в некоем дивном виде, отраженным как в загадочном мире людей, страдающих умственной отсталостью, так и в исполненной величия жизни людей с тяжелыми формами инвалидности – людей, в основном, молодых. Описываются драматические ситуации, когда родители сталкиваются с онкологией ребенка, угрожающей смертью.

Во второй части книги представлена психология людей, стоящих на пороге смерти, когда вера и сомнение, выраженное в искренних вопросах и рациональных доводах, сменяют друг друга. Речь идет о последних минутах жизни человека, когда его близкие, лишь проявляя истинную любовь, могут сообщить умирающему веру в вечную перспективу. Смерть – не конец, но прехождение в настоящую жизнь,

«идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная»¹. Последующее повествование постепенно подводит к ощущению вечного воскресения благодаря примеру людей, переживших трагедию смерти своих детей, и тех, кто преобразил ожидание собственной смерти в чаяние Царствия Божия.

Все случаи, приведенные в книге, подлинные. Однако по большей части там, где это представлялось необходимым, изменены имена, названия мест и некоторые детали, чтобы не допустить грубого отождествления героев повествований с реальными людьми. Автор сознательно избегает попыток приукрасить происходившее, дабы не исказить его истинный смысл. В некоторых рассказах два события совмещены в одно.

В книге не ставится цель подробного описания историй жизни, но по возможности показывается правда человеческой души и, самое главное, – великая истина Божия присутствия в рутине человеческой повседневности, особенно там, где невидно Бога...

Бог являет Себя иным, при встрече – странным², необычным, в Своем

¹ Из Последования панихиды.

² То есть странником, иностранцем (как, например, в стихире на целование Плащаницы: «Даждь ми Сего Страннаго»). – *Примеч. пер.*

грядущем пришествии – новым. Цель этой книги – пробудить иную логику, «новую жизнь», «отчуждение» от мира и привести к зрению *большого* (Ин. 1, 50), к вере в непостижимое, к *извещению уповаемых* (Евр. 11, 1). Только так человек, испытавший боль от людей и обстоятельств, скорбящий о своей природе и отчаявшийся в рациональном мышлении, может встретить свет и *стоять в вере и утверждаться* (1 Кор. 16, 13), *возмогать о Господе* (Еф. 6, 10), *радоваться в страданиях* (Кол. 1, 24), быть утешаемым Духом Святым.

ЧАСТЬ I

Сквозе огонь и воду... в покой

(Пс. 65, 12)

ИСЦЕЛЕНИЕ РАССЛАБЛЕННОГО В ВИФЕЗДЕ

Господи, человека не имам
(Ин. 5, 7)

Как ужасен мир, в котором мы живем! Повсюду боль, несправедливость, зло, грех, насилие, войны, несчастья. Отчего все это? И как красота природы, величие человека могут сосуществовать с этим? Почему добро чередуется со злом? Почему несчастье переплетается со счастьем? Почему интуитивное чувство реальности Божия присутствия постоянно борется с дерзкой мыслью, что Бога нет?

Мир не дает нам явного свидетельства о Боге. Можно сказать, что Бога, осязаемого чувственно или вычисляемого логически, мир отвергает. Стройные теории о Боге приводят к болезненным сомнениям. Динамика жизни без продолжения. Безграничная красота с эпилогом неизбежной смерти. Крепкий союз жажды вечного и бесконечное разочарование в настоящем. Трагедия мелочных выводов!

Но мир без Бога невыносим. Мысль о Его отсутствии глубоко разочаровывает, вызывая чувство пустоты, бессцельности жизни, делает непонятным наше предназначение, лишает смысла наше бытие, открывает путь к произволу

и одновременно подавляет перспективу бесконечного будущего, чаяние вечной жизни. И наоборот, уверенность в присутствии Бога рождает надежду, дает свет, указывает путь. В Евангелии Бог представлен действующим. Он управляет историей. Евангелие просвещает и утешает: сколько раз в нем явлено присутствие Божие! Чудеса свидетельствуют о Его силе и любви. Читаешь Евангелие и восклицаешь: *С нами Бог! Разумейте языцы и покарайтесь, яко с нами Бог* (Ис. 8. 9). Бог с нами. Это убеждение – источник нашей силы. Мы читаем Евангелие не для того, чтобы обрести веру, но, будучи людьми верующими, мы открываем его в надежде, что Господь нас просветит.

Но порой Евангелие приводит современного человека в недоумение. Вместо того чтобы укреплять – оно сеет смятение; вместо того чтобы созидать – разрушает; вместо того чтобы вносить ясность – создает путаницу. Евангелие открывает истины; услышав их, в первый момент восторгаешься, но стоит немного над ними поразмыслить, и они загоняют тебя в тупик.

Чудо исцеления расслабленного в Вифезде, описываемое в пятой главе Евангелия от Иоанна, поначалу впечатляет Божественной силой Христа. Действительно, одним лишь Своим словом Он упраздняет ожидаемое, но редкое чудо и подает облегчение, поражая нежданым, доселе невиданным исцелением. Но только вдумаясь, и картина происходящего меняется в корне. Возникают вопросы, которые становятся мучительным испытанием для веры, бросают

человеку с рациональным мышлением неумолимый вызов и возмущают его.

Господь избирает человека, тридцать восемь лет не встававшего с постели, и необычным образом исцеляет его. Евангелист Иоанн, с присущей ему краткостью, рассказывает об этом чудесном исцелении. И если результат чуда удовлетворяет веру, то подробности происходящего подрывают ее.

Как повествует евангелист, вокруг купели с водой находилось огромное количество страдающих людей: *множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды* (Ин. 5, 3). Каждый со своей болью, и все с надеждой, к которой примешивается чувство соперничества. Они ожидают, когда внезапно появившийся Ангел возмутит воду. Увидев его, все эти люди, движимые огромной силой внутреннего желанья, напрягая остатки своих физических сил, пытаются доползти до купели, поскольку *иже перее влазаше по возмущении воды, здрав бываше, яцем же недугом одержимь бываше* (Ин. 5, 4) – тот, кому удастся первым погрузиться в купель, исцеляется от любой болезни. Но только первый.

Среди них есть человек, парализованный вот уже тридцать восемь лет: *сего видев Иисус лежаща* (Ин. 5, 6). Проходя мимо купели Вифезда, Господь увидел его, подошел и спросил: *Хочеш ли цел быти?* (Ин. 5, 6). Кажется бы, простой вопрос! Но больной не отвечает прямо: «Да, конечно, хочу», но говорит: *Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет*

мя в купель (Ин. 5, 7)¹ – нет со мной человека, который, как только возмутится вода, подтолкнул бы меня в купель, чтобы я оказался первым. Когда же я приближаюсь к воде, *ин прежде мене слазит* (Ин. 5, 7) – другой уже сходит раньше меня. На это Господь лишь говорит ему: *Востани, возми одр твой и ходи* (Ин. 5, 8). И таким способом, простым и вместе с тем совершенно необычным, неожиданным по отношению к описываемой картине событий, Господь дарует ему здоровье, поднимает с одра мучений, избавляет от испытания. После тридцати восьми лет! По прошествии целой жизни, не предпринимая никаких других действий, одним лишь словом! Но это еще не все: Он дает расслабленному силы поднять свое ложе и идти с Богом.

Обычно мы задерживаем свое внимание на второй части этого евангельского сюжета. Нас впечатляет чудо. Мы исповедуем силу Божию, исцеляющую вместе с телом и душу. Если же остановиться на первой части этого повествования, то наши чувства будут совсем иными.

Ангел без предупреждения, *по временам* возмущает воду, и лишь *первый* (Ин. 5, 4) получает исцеление. На этом заканчивается чудо. Этим исчерпывается милость Божия. И начинают возникать мучительные вопросы, логические неувязки. Безмерное страдание и несправедливость. Неужели милость Божия ничтожна, неужели она только для одного, первого? Как

¹ В славянском тексте Евангелия есть краткая утвердительная форма ответа расслабленного: «Ей, Господи». В греческом оригинале Евангелия, ни в используемом Церковью, ни даже в критическом издании, такой формы не встречается. – *Примеч. пер.*

объяснить это с помощью человеческой логики? Где же в этом эпизоде проявление любви Божией, Его правосудия, Его смирения? Как это событие может убедить нас в Его присутствии? Скорее оно свидетельствует об Его отсутствии.

Возможно ли поверить, что, желая показать Свое Божество и совершить исцеление, Господь выбирает этот способ? Почему все должно было происходить именно так? Представим себе: в неожиданное время Ангел сходит в купель и возмущает воду. Совершенно неготовые к этому несчастные люди – слепые, хромые, больные, инвалиды – начинают ползти, да еще и соперничая друг с другом: кто же первый войдет в воду и получит исцеление? Почему же только на одного распространяется милость Божия? Разве ее не хватило бы для второго? И по каким критериям изливается эта милость? По физическим способностям и подготовке инвалидов, но почему не по добродетели? По успеху в соперничестве, а не по смирению и борьбе духовной? Почему на первого, а не на лучшего? Разве все это не свидетельствует о недостатке любви и отсутствии правосудия?

Кроме этого, Ангел Божий, возмущив воду и увидев своими глазами все происходящее, спокойно возвращается, полагая, что исполнил волю Божию? В конце концов, что важнее: радость единственного исцелившегося или трагедия множества неуспевших? И как тот исцелившийся, да к тому же если он был вознагражден за свою веру или добродетель, может радоваться своему исцелению? Ведь остальные его

товарищи, вместе с ним страдавшие, не только не избавляются от болезни, но сталкиваются со странным благоволением Божиим, касающимся только его одного, и притом не лучшего, и не самого больного, но просто удачливого? Не вызов ли это? И возможно ли, чтобы все это происходило пред очами Божиими и по Его воле?

Когда исцеляется твой сосед, тебя преследует чувство, что ты потерял свой шанс, и возникает сильная зависть, которая ввергает человека в муку, приносящую невыносимые страдания. Почему Бог позволяет такое?

Расслабленный признается: *человека не имам* (Ин. 5, 7). Тридцать восемь лет он живет единственной надеждой – по возмущению воды первым войти в купель и исцелиться. Но как соотносить любовь Божию с таким долгим периодом его увечности? Почему он был калекой в молодости и стал здоровым в старости? Почему в течение тридцати восьми лет этот человек должен был ожидать исцеления, непрестанно терпя разочарование от бесчисленных неудач? Почему единственным утешением для этого несчастного было его сосуществование с другими подобными больными или понимание того, что не он один страдает и не ему одному всякий раз не удается получить исцеление? Зачем Бог попускает столько горя и к тому же распределяет его так несправедливо и неравно? Почему в итоге, когда видно, что Он творит чудо и нет сомнения, что это подлинное чудо, все происходящее производит в целом впечатление отсутствия Бога? Мы видим проявление Его силы, но не Его любви.

Как этот Бог может одновременно существовать с тем Богом, Которого мы обнаруживаем в остальном евангельском повествовании?

Может быть, есть нечто такое, что не только нельзя увидеть сквозь призму логики, но что в условиях, когда мы опираемся на логику, это нечто обманывает и дезориентирует ее?

В Псалтири или в творениях Святых Отцов часто устами Давида и святых выражается то же самое чувство кажущегося отсутствия Бога. Давид говорит: *Вскуе, Господи, отстоя далеко – почему Ты, Господи, стоишь вдали? – презираеши во благовремениих, в скорбех?* (Пс. 9, 22) – почему Ты презираешь меня и не приходишь ко мне тогда, когда Ты должен быть рядом во время моих скорбей и нужд? Я чувствую себя забытым и оставленным. Зову Тебя, а Ты не приходишь, взываю к Тебе, а Ты не слышишь, с нетерпением жду Тебя, а Ты остаешься вдали. Нет Бога в моей жизни в тот момент, когда я ищу Его, когда я в Нем нуждаюсь. «Христос медлит»¹, – говорит святитель Григорий Богослов².

Разве не отсутствует Бог во время страдания мучеников? Разве не отсутствует Бог в мире, объятном волнениями, раздорами, войнами; в мире несправедливостей, болезней, греха и страстей? Разве не отсутствует Бог и в страданиях Самого Господа, в Его распятии, в Его погребении? Разве Сам Христос не сказал: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?* (Мф. 27, 46). Однако

¹ В оригинале: *καθεύδει* – дословно «почивает». – *Примеч. пер.*

² Послание 80, Евдоксию ритору // PG 37. Col. 153. На основании рукописной традиции исследователи указывают в качестве адресата данного письма Филагрия, а не Евдоксия. – *Примеч. пер.*

как Вездесущий и Присносущий может отсутствовать?

Неужели Бог действительно отсутствует? Или за этим скрывается нечто другое? Быть может, за таким логическим искушением кроется иная логика – тонкая, духовная, связывающая Его любовь и наше падение, Его силу и нашу немощь, Его Божество и слабость нашего разума, Его мудрость и нашу неспособность постичь Его тайну? Что означают слова: *Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие, самим же званым Иудеем же и Еллином Христа Божию силу и Божию премудрость* (1 Кор. 1, 23–24). Быть может, смиренное принятие этого падшего мира скрывает не только мудрость, но и Божественную силу?

Несомненно, что Бог не может существовать одновременно со смертью, с которой мы сталкиваемся ежедневно; с распадом человеческой личности, который нам приходится наблюдать; с терзаниями человеческой логики, описанными выше. Его любовь не может этого допустить, Его чистота не может этого оправдать. Бог есть жизнь. Когда смерть претендует на власть, Бог является Воскресением. Все поставленные выше вопросы оправданы, когда речь идет о мире, где господствуют смерть и падение. Главный вопрос в том, как Бог, сотворивший *вся добра зело* (Быт. 1, 31), допустил господство падения и присутствие *миродержителя тьмы века сего* (Еф. 6, 12) в Своем мире? И, в конце концов, как объяснить смерть Господа и Его тридневное погребение?

На все эти вопросы проливает свет единственное событие – Воскресение Христово.

В евангельских эпизодах, в которых говорится о присутствии Божиим, евангелисты не используют слово «пришел» в отношении Господа, будто Он где-то был и пришел, а предпочитают выражение: «Господь *являет Себя*» (ср.: Деян. 1, 3; 10, 40; 13, 31). Это означает, что вопрос не в том, присутствует ли Христос Бог, но в том, когда и как Он является нам, как мы можем Его видеть и как Его чувствует каждый из нас.

Представим, что мы находимся рядом с купелью и видим, как кто-то исцеляется. Посчитаем ли мы это событие явлением Божиим? Или же мы признаем его таковым, если исцеление коснется нас самих? Отчего чудо, происходящее с ближним, не представляется нам явлением Божиим? Что нужно, чтобы оно стало для нас таковым? Чудо должно произойти с нами? Почему мы признаем присутствие Божие только тогда, когда оно проявляется в желательных для нас обстоятельствах и приемлемым для нас образом? Определяющий критерий Божественного присутствия – удовлетворение нашего собственного желания, а не само событие? Что важнее – наше исцеление, то есть меньшее, или явление Бога нашим ближним, то есть большее? Может быть, наш эгоизм и есть причина искажения истины, глубочайшей сущности происходящих событий?

Бог не отсутствующий, Который приходит, но присутствующий, Который скрывается. Именно поэтому евангелисты и Святые Отцы предпочитают использовать глагол *является*,

то есть выходит из Своего укрытия и появляется перед нами. Бог является тем людям, которые способны Его видеть. Для того чтобы узнать являющегося Бога, требуется соработничество Божественного и человеческого, необходимо, чтобы в момент Божественного посещения очи нашей души были абсолютно чисты.

Это евангельское чтение повествует не об одном лишь конкретном расслабленном. Понятно, что речь идет об определенном моменте в жизни того больного, но здесь содержится тонкий намек на то, что подобные моменты имеют место в жизни всех расслабленных мира, естественно, и в нашей с вами. Взаимоотношения человека и Бога – это поиск, можно сказать, погоня человека за Богом. Истинный Бог ради человеческой прихоти не станет обнаруживать Себя в мелочах. Он Тот, Кто скрывается в укромных уголках и таинственных поворотах жизненного пути.

Бог действительно существует. Нам остается исполнить две вещи: первое – проявить долготерпение и, второе, – очистить свои душевные очи. Рано или поздно придет и наш час, как когда-то пришел он для евангельского расслабленного. Может быть, это произойдет через тридцать восемь лет, а может быть, завтра или за пять минут до того, как навсегда закроются наши глаза в этом мире, но всем нам предстоит испытать это Божественное мгновение. Тогда наша многолетняя увечность закончится чудодейственным исцелением и станет для нас большим даром, чем здоровье, лишенное опыта Божественного присутствия.

Явление Бога в нашей жизни происходит тайнозрительно и духовно. Об этом свидетельствует опыт Церкви. Церковь никогда не утверждала того, что сама не пережила. Мир, в котором мы живем, – падший, сросшийся со смертью. Нам всем предстоит умереть если не сегодня, то завтра. И даже если сейчас Христос воскресит человека, как некогда Он воскресил праведного Лазаря, то спустя некоторое время этот человек все равно уйдет в мир иной – вследствие болезни, автокатастрофы или по какой-то другой причине. Каким-то образом мы все уйдем. Бог посещает нас не для того, чтобы мы ощущали здоровье и силу, не для того, чтобы наша жизнь в этом мире была бесконечной, но чтобы дать нам опыт спасения, жажду бессмертия, чаяние вечности. Бог является для того, чтобы мы почувствовали теплоту и сладость Его духовного присутствия в нашей жизни даже тогда, когда страдаем, когда пребываем в испытаниях, терпим несправедливость и, возможно, лишаемся непосредственного Божественного присутствия, как того требует наша логика и жаждет наша человеческая природа. Когда мы живем со Христом, когда Бог рядом с нами и мы чувствуем себя в Его объятиях, что тогда для нас трудности и испытания?! Тот момент, когда Господь переживал на Кресте опыт абсолютной Богооставленности, был, прежде всего, моментом Божественного присутствия, ибо невозможно, чтобы Бог отсутствовал, когда совершалось Божественное Домостроительство! Так и в нашей жизни присутствие Божие наиболее полно именно в моменты

испытаний и искушений, когда чувство оставленности переживается особенно остро. Невозможно, чтобы Бог отсутствовал, когда совершается наше спасение!

В конце концов, подлинный мир не тот, который мы представляем себе, но который существует реально. Мы должны этот подлинный мир распознать, и тогда прославим Бога не за возможность получить здоровье – ведь мы его когда-нибудь все равно потеряем; не за избавление от опасности в нашей жизни – ведь и ей когда-то придет конец, а за Его богатые дары, посылаемые нам: радость спасения, возможность стать гражданами и участниками вечного Царствия Божия и зреть *лицом к лицу* (Быт. 32, 30; Исх. 33, 11; Чис. 14, 14; Втор. 5, 4; Втор. 34, 10; Сир. 45, 6) Бога и Спасителя нашего.

В описании чуда в Вифезде можно увидеть также иные подробности. Величие этого чуда заключается в том, что Бог совершает его не через Ангела, а Сам. Богочеловек Иисус Сам исцеляет расслабленного, Сам подходит к нему. Не нужно, напрягая внимание, следить за знаками схождения Ангела и возмущения воды, чтобы первым успеть к купели. Внимание проявляет Христос – *сего видево Иисус* (Ин. 5, 6) – Господь увидел расслабленного еще до того, как тот смог хорошо Его рассмотреть. Ведь когда после исцеления он вошел в храм и жестокосердые иудеи стали искушать его, он исповедал, что не знает, Кто этот Человек, исцеливший его – *не ведающе, Кто есть* (Ин. 5, 13). Евангелист говорит, что тогда появился Господь и, приблизившись,

открылся ему. И он вернулся к иудеям и объявил, что *Иисус есть, иже мя сотвори цела* (Ин. 5, 15).

В этом чуде – еще один замечательный момент. Расслабленному не потребовался человек, который бы его подтолкнул, ему не пришлось и самому ползти. Господь исцеляет его одним лишь словом, одним лишь вопросом, ответ на который ясен. Господь спрашивает его, хочет ли он исцелиться. И больной – что за странность! – не говорит Ему «хочу», но, совершая ряд ошибок, отвечает: *Господи, человека не имам* (Ин. 5, 7). То есть он хотел освободиться от недуга, уже разочаровавшись в Ангеле и, возможно, потеряв всякую надежду на исцеление от Бога. У него оставалась единственная надежда – найти человека, который мог бы опустить его в купель: *да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель* (Ин. 5, 7). Первая его ошибка заключалась в следующем: он не ответил на вопрос прямо: «Да, хочу, Господи», как того желал, но перешел к объяснениям. Вторая ошибка – имея желание исцелиться, он чаял чуда, не чая Бога. Третья ошибка крылась в его самолюбии. *Егда же прихожу аз, ин прежде мене слазит* (Ин. 5, 7) – когда же я прихожу, к сожалению, другой опережает меня и исцеляется. Возможно, это самолюбие можно оправдать – здесь оно естественно, но самолюбие остается самолюбием и не свидетельствует о высоких качествах души. Я хочу, чтоб исцеление было даровано мне, меня интересует лишь то, что касается меня, но, к сожалению, другие опережают меня и исцеление получают они, а не я. Можно было ожидать, что Господь каким-то

образом укорит расслабленного, но этого не происходит. Господь не только не пытается вразумить его, но даже не делает ни одного замечания. Просто призывает встать, взять постель свою и ходить. Господь исцеляет, не оставив ни следа, по которому можно было бы догадаться о том, Кто Он. Не тревожит Своим громким именем. Не будоражит его Своим словом и поучением. Не смущает побуждением к изменению жизни.

Господь исцеляет не только тело, но и душу. Встретив через некоторое время исцеленного от телесного недуга в храме, Христос говорит ему: *ктому не согрешай* – не греши больше – *да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14) – чтобы не случилось с тобой чего худшего, давая понять, что источником болезни и личной драмы было его пребывание во грехе. Господь не спешит совершить все одновременно и в одном и том же месте, но сначала исцеляет тело, а затем душу. Первое исцеление происходит на месте страдания расслабленного, а второе – в храме, месте богослужения.

Это евангельское чтение – не просто напоминание о чуде, но повод для пробуждения всех нас. Мы все расслабленные, духовно слепые, увечные, хромые, сухие, с немощными ногами, с ущербными руками. Мы как бы собраны вокруг купели – купели слез. Обмануты нашим рациональным мышлением, потеряли всякую надежду в этой жизни. И Церковь старается изменить вектор направленности наших сердец и вместо капель Божественной милости, вмещаемых ветхозаветным мышлением, предлагает нам океан любви Богочеловека.

КОГДА ОПРОВЕРГАЕТСЯ ДИАГНОЗ

Благодать Божия идеже хочет, дышет

(Ин. 3, 8)

Молодая пара, люди, глубоко верующие, искренне преданные Богу, на своем жизненном пути встречают отца Порфирия, известного старца нашего времени, и он буквально заключает их жизнь в свои объятия. Он становится для этой пары заступником в любой опасности, а его молитва смягчает всякое испытание. Спокойно, радостно, беззаботно текут их дни... Бог дарует им пятерых детей: двух девочек и трех мальчиков. Старшую зовут Ева. Она талантлива и умна – рассуждает совсем как взрослая. В чертах ее лица видна зрелость не по годам. Мanners исполнены изящества и грации. Она всеобщая любимица. Ей исполнилось двенадцать лет. Небесное существо, настоящий ангел. *Любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28) – таковы сокровенные мысли ее родителей, и они непроизвольно прославляют Бога.

Но однажды в центре города рядом с офисом отца Ева беззаботно переходила улицу, и потерявшая управление машина вмиг перевернула невозмутимый дотоле покой семьи. Девочка попала в больницу, а оттуда – в мир «идеже несть

болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная». В считанные мгновения, так, что никто даже не успел толком понять, что произошло и почему, Ева оказывается в Царствии Божиим. Внезапное страдание погружает безутешных родителей в адские муки. Бог словно покидает их. Когда все благополучно, тогда Бог хороший, но если неожиданно и неумолимо перевернулась вся жизнь, то это доказательство не просто Богооставленности, но отсутствия Бога. Отец Порфирий сострадает их горю, однако настаивает на необъятной любви Божией, которую он сам выражает с такой добротой и верой, что исчезает всякое сомнение видеть в случившемся проявление милости Божией.

Жизнь устремляется горé. Если раньше можно было вдохновляться близостью земного ангела, осязая его своими чувствами, то теперь лишь остается искать его следы с помощью пошатнувшейся веры и выстраданной молитвы.

Время течет... Подрастают другие дети, их успехи и таланты наполняют жизнь матери счастьем, смешанным с болью, а жизнь отца – смиренным принятием воли Божией. Их опора – вторая дочка – Деспина. Девочка очень отличается от Евы. Озорная, полная жизни, постоянно в движении, всегда улыбается, излучает радость, надежду, счастье, блистание беззаботной невинности. Глядя на нее, испытываешь чувство, что перед тобой образ наследников земли (ср.: Мф. 5, 5), отражение жителей Царствия Божия. О таких созданиях осмеливаешься думать, что они не имеют никакого отношения

(см.: Мф. 7, 14), следовать за Господом, взяв свой крест (см.: Мф. 16, 24), жить сораспятыми со Христом (см.: Гал. 2, 20), видеть жизнь через смерть и различать спасение через страдание.

Возлагая наши страдания на Крест Господень «на немже страдав уби страсти»¹ и смерть – на Его Гроб, который Он превратил в Свой Престол, мы можем переживать величайшие последствия своей веры в Победителя смерти: *Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой* (Ин. 7, 38), *верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12), и *верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек* (Ин. 11, 25–26).

Вера, подлинная, невинная, детская вера во Христа, являет Бога... там, где Его не видно.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧАСТЬ I	
<i>Сквозе огонь и воду... в покой</i> (Пс. 65, 12)	
Исцеление расслабленного в Вифезде.....	8
Когда опровергается диагноз	22
Великое чудо, которое мы не выдерживаем	31
Есть ли жизнь, не имеющая ценности?	43
От несправедливости к спасению.....	56
Почему мне, Боже мой?	71
ЧАСТЬ II	
<i>От смерти в жизнь</i> (Ин. 5, 24)	
Рядом с уходящим	86
Куда уходят ангелы?	99
На грани жизни и смерти.....	114
Черная гора в Грамматико	126
Крестовоскресный исход.....	141
Преставление одного неизвестного святого	158
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	170

¹ Икос после 6-й песни канона из Службы Воздвижения Честного Креста.

Духовно-просветительская литература

Митрополит
Месогейский и Лавреотийский Николай

ТАМ, ГДЕ НЕ ВИДНО БОГА

Перевод с греческого Е. Жукова

Заведующая редакцией Т. Тарасова
Редакторы И. Быкова, И. Черкесова
Технический редактор Э. Кондрашова
Корректор Т. Горячева
Дизайн обложки А. Козаченко
Верстка В. Шаш

Подписано в печать 26.11.2012
Формат 84x108 1/32. Объем 5,5 п. л.
Печать офсетная. Тираж 7 000 экз.
Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви.
119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18.

Оптовый отдел реализации:
(499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

e-mail: books@rop.ru

<http://www.rop.ru>